

Филимон СЕРГЕЕВ

Ольга ВЕРСЕ

ВЕЧНА ТОЛЬКО ТЫ...

Филимон Иванович Сергеев
Ольга Версе
Вечна только ты...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23995655

*Филимон Сергеев, Ольга Версе. Вечна только ты...: Издательский дом
«Сказочная дорога»; Москва; 2013
ISBN 978-5-4329-0037-1*

Аннотация

В книгу вошли стихи двух известных русских поэтов – Филимона Сергеева и Ольги Версе. У каждого своя поэтическая тропа, но как часто эти тропы пересекаются! Для поэтов характерно трепетное, внимательное отношение к людям, близким, друзьям, к России, ее прошлому и будущему. Любовь, искренняя и светлая, – основная тема их творчества. Не случайно многие стихи стали песнями. Эта книга – истинное откровение для любителей современной поэзии.

Содержание

Филимон Сергеев	6
Родная, любимая Русь	8
«Тих и неприметен наш таежный тракт...»	11
Утро	12
В деревне	13
Ветер	15
У калитки	16
«Вы говорите – любите меня...»	17
«Дыханье клевера в стогу...»	18
Солнышко	21
Тихая равнина	22
«Упаси вас Бог не знать любви...»	23
В гостях у Нины Яхонтовой	24
Осенний звон	27
«Нынче я от счастья пьяный...»	29
Молитва	30
Нищета	31
Крест и черемуха	33
Голод	34
Письмо в Москву	36
«Расскажи мне про села...»	37
«Душа моя опять светла...»	39
«Эх, не сидится нынче дома...»	41

Душа	43
Ненависть и ложь	44
«Я вновь безропотно и нежно...»	45
«Я знаю горестные слезы...»	47
«Деревянное детство моё...»	49
«Ты любишь ли меня, скажи...»	50
«Любимая, по всем приметам ты...»	51
Сестре	52
«Я снова избой растревожен...»	53
Белая сирень	54
«Путру было ясно, тихо...»	55
«Может, слишком я северный...»	56
В поле	57
Ода осине	59
Тебе, мой друг...	60
«Ветер воеет, листья носит...»	61
«Душа моя колодец...»	62
«Любовь как тайна... Что со мною...»	63
Кони-сани	65
Другу охотнику	67
Брусника	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Филимон Сергеев,
Ольга Версе
Вечна только ты...**

© Сергеев Ф. И., 2013

© Версе О. (Митарчук Е. А.), 2013

© Гурова Д. И., иллюстрации, 2013

© Издательский дом «Сказочная дорога», 2013

Филимон Сергеев
Север... Гитара... Любовь...

Родная, любимая Русь

Филимон Иванович Сергеев по профессии артист кино и эстрады. Член Союза писателей России, Гильдии актеров кино России, член Поморского землячества в Москве.

Играл в кинофильмах «Королевская регата», «Тропой бескорыстной любви», «Рысь выходит на тропу», «Рысь возвращается», «Злой дух Ямбуя», «Непоседы», «Живые и мертвые», «Шальная пуля», «Женитьба Бальзамина», «Поименное голосование», «Теплая Арктика», «Король манежа», «Петр Великий», «Кто, если не мы», «Похищение чародея», «Россия молодая», «Утро обреченного прииска», «Избирательность по соседнему каналу», «Две судьбы».

Кинофильмы «Тропой бескорыстной любви» и «Рысь выходит на тропу» отмечены премиями ЮНЕСКО и Общества охраны природы. Кинофильм «Злой дух Ямбуя» удостоен премии им. Джека Лондона за лучший художественный фильм на Международном фестивале фильмов об Арктике во Франции.

Филимон Сергеев – автор слов песни «Река» к кинофильму Валерия Ускова и Владимира Краснопольского «Отец и сын», автор песни «Брусника» к кинофильму «Две судьбы», книг «Федина беда», «Орангутанг и Ваучер», «Преступная цивилизация», «Идуший от солнца», «Ивушка», «Злотые россыпи».

Филимон Сергеев работает в качестве автора-исполнителя. Он неоднократно выступал в телевизионной программе «Добрый вечер, Москва!». Является лауреатом конкурса «Звезда полей» (2004 г.), проводимого Некоммерческой организацией «Рубцовский творческий союз». Лауреат премии Второго кинофестиваля «Золотой клык» в 2002 году за кинофильм «Рысь выходит на тропу».

Отлично играет на гитаре. Часто выступает на сцене, дает авторские концерты в музее В. В. Маяковского, в Доме культуры Московского авиационного института, в Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Большой популярностью пользуются его стихи и песни о Родине.

Бумага истлела, осталась зола.
Но мысль о России жила и жила.
Как дух наших предков, как сильная страсть,
Не меркнет России великая власть —
Извечные мысли твои и мои.
Но что, друг, Россия без нашей любви?..

Верность традициям классической поэзии, искренность и добросердечность характерны для творчества Филимона Сергеева. Его стихи просты и напевны, их не тронула никакая модернизация. В них преобладает лирическое начало, откровенность и теплота. Раздумья о жизни, о человеческом предназначении, о судьбе человека, о России, ее прошлом, настоящем и будущем – вот что волнует поэта...

Милые, милые дали!
Нежность поникших полей.
Сколько тоски и печали
В родине чуткой моей!

Николай Шенин

«Тих и неприметен наш таежный тракт...»

Тих и неприметен наш таежный тракт.
Но столиц проспекты я люблю не так.

Глух и необъезжен, нелюдим и нем,
И зимой, и летом – он без перемен.

Но люблю я сани, розвальней красу,
И как бабы в баню правнуков везут.

Дети в санках плачут, вьюга воет, бьет,
Каждому калачик бабушка найдет.

Слезы от мороза на ее глазах
Улетают к звездам и под образа.

Утро

Вновь морозное синее утро,
Непомятые косы дорог,
Кто-то за ночь тропинку припудрил,
Кто-то крышу закутал в платок.

Утро, утро! Люблю твои краски,
Неба ясного снежную синь.
От карельских лесов до Аляски
Колесил бы всю жизнь, колесил.

Как близки мне твои узоры
На парчовой коре берез.
Рысью, рысью бегут заборы,
Мчатся избы под россыпь звезд.

В деревне

Владиславу Киреенкову

Ты сердце глупое послушай,
Как нежно шепчется листва,
Роняя в сумрачную душу
Любви стыдливые слова.

В деревне нашей холод, сырость,
И под калиной у окна
Опять мне женщина приснилась,
Как одинокая луна!

В руках ее хмельные розы.
А взгляд – небесно-голубой.
Благословенны сны и грезы
И чувства раннею весной.

Благословенны звезды ясные
И птичьи крики у реки,
И зори северные красные
От буйства неги и тоски.

И только жизнь моя – потеха,
Словно в осеннем грустном сне, —
Не знает радости и смеха,

Не расцветает по весне.

Она расхристана, разбита,
Ей мало солнца и тепла,
Она всем миром позабыта,
Но в ней любовь – она светла.

Ветер

Что ты, ветер, воешь, воешь?!
Спать зайчатам не даешь.
И чего ты, ветер, стоишь,
Если их по морде бьешь?

У зайчат сегодня праздник,
Все едят морковь и рожь.
Ну а ты, как волк-проказник,
Их по морде бьешь и бьешь.

Я ругать тебя не стану,
Можжевельник посажу
И все заячьи поляны
От ветров огорожу.

Что ты, ветер, воешь, воешь?!
В сердце будишь боль и дрожь.
От меня беды не скроешь —
Сам себя ты, ветер, бьешь.

У калитки

Галине Кривецкой

У калитки ты в накидке
Говорила мне: «Постой!»
Вечер был как будто выткан
Тканью чистой и простой.

Ты шептала: «Милый, милый...
Ты – мой свет, моя звезда.
Счастлив будь, или в могилу
Заберу я навсегда».

У калитки ты в накидке,
Твой платок до боли прост.
Жаль, дорога за калиткой
Упирается в погост.

«Вы говорите – любите меня...»

Людмиле Аванесовой

Вы говорите – любите меня.
Конечно, мне приятно это слышать,
Но там, где все зависит от рубля,
Любовь, святую заповедь кляня,
Не светом солнца, а деньгами дышит.
Смешна любовь такая и глупа.
Не дай вам Бог узнать ее блаженство.
Еще страшней постигнуть совершенство
Продажных чувств рабыни иль раба.

«Дыханье клевера в стогу...»

Дыханье клевера в стогу,
Поветь, прогорклый запах сена
И приглушенный хруст полена
Забывать стараюсь... не могу.
И ту тропинку, как косынку,
И церковь – русскую красу,
И свечку, словно хворостинку,
Я ради веры вознесу.

Солнышко

Марине Большаковой

Выкатилось солнце масляным блином.
Напоило сосны утренним теплом.
Травы солнцу рады, нежатся в цвету.
Я цветковой радугой по земле иду.

Я иду весенней утренней росой.
Звон в душе, цветенье, радуюсь, босой.
Друг мой лучший также росный путь любил.
Босым и отважным по земле ходил.

Сочинял он песни и дарил весне.
Тот напев полесья передался мне.
Травы солнцу рады, нежатся в цвету.
Я цветковой радугой по земле иду.

Говорят, здесь хожено, говорят мне, что
Во поле подснежник не найдет никто.
Я всем отвечаю: отыщу, найду.
Утро я встречаю и любовь я жду.

Тихая равнина

Романс

Тихая равнина, вечер несказанный...
Что звенишь уныло чуткою красой?
Я твой друг надежный, я твой друг желанный
И всегда счастливый. Ясный и босой.

Посажу березы на твоих раздольях,
Посажу калину среди буйных трав...
И спрошу у Бога с грустью подневольной:
«У кого всех больше в этом мире прав?»

Я тебя одену в пышные наряды,
Чтоб тебе приснились розовые сны.
И взамен, родная, ничего не надо —
Лишь бы ты сияла радугой весны.

Тихая равнина, ты всегда со мною
В звоне неустанном сосен и берез.
Даже в час блаженный Рождества зимою
На тебя смотреть я не могу без слез.

«Упаси вас Бог не знать любви...»

Упаси вас Бог не знать любви,
Горе приносить себе и людям.
Пусть восторг, смятение в крови
И ее дыханье вечным будет.

Подойди ко мне, не прячь глаза,
Если есть в них жажда вдохновенья.
Не стыдись, пусть катится слеза
От любви, от счастья, от волненья.
Положи мне голову на грудь,
И не надо слов, не надо вздохов.
Без любви, поймешь когда-нибудь,
Даже другом обольщаться плохо.

Славлю вас, не знающие лжи,
Дни любви – бессмертные страданья.
Без любви мы словно без души,
Без любви – как будто бы в изгнанье.

В гостях у Нины Яхонтовой

Рудовые сосны, смолистые ели
И снежная ясная даль...
Я снова в Онеге...
Гляжу... в самом деле
Дорога как белая шаль.
Крестьянин на дровнях уснул.
«На-ко, леший! —
Кричит ему кто-то хмельной. —
Не ездил бы нонче дорогою здешней,
Волков-то в районе ой-ой!»
А тот, что крестьянин, в ответ ему: «На-ко
Ты, паря, наверно, ослеп.
Че волк мне, че рысь, че любая собака —
Я нонче для всех человек...
Душа человечья».
Слова золотые.
Достойны всегда похвалы
Брусничные губы, глаза удалые
И вздохи, как шелест травы.
Люблю я онежские плавные речи
И рубленок тихий покой,
Просторные сени и теплые печи,
Чай кипятковый рекой.
Онега... Есть в слове и нежность, и ласка,
В нем что-то от песен ветров.

Онега в любую погоду прекрасна,
Как музыка северных слов.
Люблю белых пашен тоску лебединую
И санный неистовый хруст.
Ничто не заменит Поморья любимого —
Онеги студеную грусть.
Россия...
Я знаю, не в городе шумном
Зачатье твое началось,
А где-то в суземье глухом и угрюмом
Родиться тебе довелось.
Мне Нина сказала
Из Нименьгской глуши:
«Россия родилась вот тут»...
Не понял я: «Где же?» —
«Да в этой избушке,
Где семгу ушатами мнут»...
И Нинины красные пышные щеки
Зарделись румяной зарей.
Как будто брусничные брызнули соки
На снежный покров ледяной.
«Россия родилась вот тут, между бревен...
В избе, конопаченной мхом...
А нынче все zenки мои измозолили...
На слом ее просят, на слом!»
«Эх, Нина! С бандитами глупые споры...
Ядренность твоя ни к чему!
Ступай-ка ты к морю...
В тайгу... К Ворзогорам...

Там срубишь любую избу».
Еще я хотел посоветовать что-то.
Вдруг треск за окошком, пальба...
Я к двери... А Нина:
«Да ну их в болото —
Идет по куницам стрельба.
Есть в горнице шаньги и сахара глызки,
Морошка и хрен не забыт...
Покочкай зубами, а выстрел услышишь —
Не думай, что кто-то убит».
Эх, Нина! Была ли когда-то мятежной
лихая твоя голова?
А может быть, молча в стране белоснежной
Ты глызкой весь век прожила.
«Плесни-ка покрепче чайку, Патрикеевна!
И что-нибудь дай от простуд!»
А Нина: «Да что же стряслося с деревней!
Без водки и чая не пьют!»
«А мне дай, родная, оладий в сметане.
А водку в чулан убери...
Я нынче от снега и нежности пьяный,
От ласки твоей и любви.
У печки как будто в объятьях любимой.
От пламени жар, как от губ,
И говор твой северный, необъяснимый
До слез мне приятен и люб».

Осенний звон

Романс

Осенний звон, прощальный вечер.
Благоуханье ярких звезд.
Я вас, мой ангел, снова встретил
Букетом самых нежных роз.

Любовь моя, как ты похожа
На свет мерцающей звезды.
Все в мире тленно, все ничтожно,
Я знаю: вечна только ты.

Осенний звон, прощальный вечер,
Поникли травы у окна.
Вдали березы, словно свечи,
Поляна воздухом пьяна.

И я, мой друг, счастливый, пьяный
От этих рощ, от этих нив.
И ветер, спутник долгожданный,
Мне шепчет лиственный мотив.

Любовь моя, как ты похожа
На свет мерцающей звезды.
Все в мире тленно, все ничтожно.

Я знаю: вечна только ты.

«Нынче я от счастья пьяный...»

Людмиле Климовой

Нынче я от счастья пьяный.
Ветер – сводник окаянный —
Рассмешил меня до слез,
Растревожил и понес
За поля, пролески, кочки,
К Миле, егеровой дочке.
К тайным чувствам, в звон берез,
В тишину болотных грез.
Ветер, ты шумишь напрасно.
Я влюблен в другую сказку.
Там в березовом плену
Под венец я взял луну.
Приходи ко мне на праздник,
В море сосен и берез.
Зацелую, как проказник,
Посмеемся мы до слез.

Молитва

Ветер свистит за околицей,
Бьет полуночную тьму.
Заяц как будто бы молится —
Ест на поляне траву.

Молятся зайцы и лоси,
Почки глотая во тьме.
Рысь словно рябчика просит:
«Дай помолиться и мне!»

Звери едят будто молятся.
Ветер гудит по холмам.
Выйду и я за околицу
И помолюсь небесам.

В мире, где мрачно и холодно,
Присказка мудрая есть:
«Чтоб не свалиться от голода,
Надо молиться и есть».

Нищета

Я по лунному насту иду!
В мире много других дорог,
Но скольжу я по тонкому льду,
Под собою не чувствуя ног.

Бесконечная снежная даль,
Ты послушай меня, пойми!
То не снег расстелился, как шаль,
То в полях стыннут слезы мои.

Может, болен я, может быть, пьян.
Только это не сон и не блажь,
Каждый встречный в пути басурман
Или оборотень, или алкаш.

Может, я надорвался, ослаб.
Кровь мерещится всюду, гробы, —
Каждый встречный продажный раб
Одинокой своей судьбы.

И на всех необъятных полях
В тихий вечер иль в круговерть
Совесь, вскормленную на рублях,
Поджидает старуха смерть.

Русь, родная моя сторона.
Ты пойми, в этой жуткой красе
Стынет в холоде не луна,
Стынет кровь моя в нищете.

Я боюсь ее, словно огня.
Но Россия со мной в нищете.
Не с того ли на склоне дня
Ярко звезды горят – да не те.

«Нет, не те!» – мне пророчит весна.
То не звезды, то слезы – снег.
Снег и слезы вокруг, и луна
Кровью харкает, как человек.

Бесконечная снежная даль.
Ты послушай меня, пойми!
Лебединых полей печаль
Нам пророчит ненастные дни.

Крест и черемуха

За кладбищем осины,
Черемуха и лес.
Там, в голубой низине,
Стоит железный крест.

Он сильно проржавелый
Согнулся – не узнать.
Но снег черемух белых
Над ним опять, опять...

Ветшает крест и падает.
Но раннею весной
Вновь зацветет в нарядах
Черемухи лесной.

Кто-то пожмет плечами:
«Гляди-ка, ожил вновь».
А я скажу стихами:
«У них любовь».

Голод

Константину Воронцову-Игнатикову

Войду в пятистенку и плачу
Бездомным щенком в полутьму.
Наверно, с душою собачьей
И с костью в зубах помру.
А может, голодным волком —
Похожи мы с ним судьбой.
И мысли, и зубы колкие,
И мудрости мы одной.
Мой голод – рассвет онежский,
Черемухи первый снег,
И северный говор здешний
От карбасов и телег.
Помилуйте, разве можно
По искренности не голодать
Иль по реке таежной,
В которой купала мать?!
Россия... По ней голодаю...
Куда ж она вновь поплыла,
И нищая, и босая,
Сжигая свой крест дотла?
Войду в пятистенку и плачу
Голодным щенком в полутьму.
Наверно, с душою собачьей

У голбицы и помру.

Письмо в Москву

*Известному предпринимателю (под крышей
общественной организации) господину Ш.*

Который год живу в лесах,
В избе сосновой, по привычке,
И вспоминаю часто Вас,
Товарищ вечеров столичных.

Но, получая бандероль,
(В ней книга Ваша и печенье),
Не радость чувствую, а боль,
Не взлет, а страшное паденье.

Вы пишете про «Жигули»,
Вы были в Лондоне, в Париже,
А нас метели замели,
И у лосей мозоли, грыжи.

Есть в каждом слове жизни ткань,
Гул мирной жизни или боя...
А Ваша книга просто дрянь —
Ни бури в ней и ни покоя.

«Расскажи мне про села...»

Андрею Турыгину

Расскажи мне про села,
Про таежную синь.
О родном, о веселом
Ты меня расспроси.

Нет прекрасней, я верю,
Этих сосен в снегу.
О, мой Север, мой Север,
Без тебя не могу!

Не могу я без поля,
Не могу без пурги.
О, мой Север, мой Север,
Ты себя береги!

Береги эти краски
Нашей русской земли,
От Карел до Аляски —
Береги, береги.

Береги эти избы.
Как за них я боюсь!
О, мой Север, мой Север —

Лебединая грусть.

«Душа моя опять светла...»

Николаю Редькину

Душа моя опять светла
На берегу звенящей нивы.
Я вновь как странник сиротливый
Дышу просторами села.

У ног моих ручей усталый
Журчит отравленной водой...
Ты знаешь, друг, мне жизнь досталась
С такой же грустной судьбой.

Как он хотел разлиться морем,
Отмыть, очистить мир от зла!
Но только нахлебался горя —
Пропал в излучине села.

Стою в слезах над шумной нивой,
Прозрачной хочется воды.
Но где она?! – родник ранимый
Не вынес грязи и беды.

Остался лишь ручей усталый.
Журчит отравленной водой...
Ты знаешь, друг, мне жизнь досталась

С такой же горькою судьбой.

«Эх, не сидится нынче дома...»

Вере Черновой-Головановой

Эх, не сидится нынче дома!
Быть взаперти не вмоготу —
На сани хочется, в солому,
К сорокам звонким на снегу.
И вот скользят лихие сани
По запорошенным холмам.
Весь мир наполнен чудесами
И как вселенная ты сам!

Не истребило время грусти,
Дорог лесных не замело!
И словно птицей становлюсь я,
Лечу в соседнее село.
Кричит мне Вера: «Друг мой милый,
Скорей сюда, к родным холмам!
Восстановим былые силы,
Любовь к возвышенным словам!»

Она глядит на мир с упреком, —
Ей мало солнца и тепла.
Как будто злым брусничным соком
Метель ей губы обожгла.
Она дыханием томима

Студеных рек, глухих лесов
И словно ель неотделима
От белоснежных берегов.

Душа

Эх, душа моя окаянная,
Чует русского мужика,
Вечно нищего, вечно пьяного
Бессребряного чудака.

«Денег нету». Но нет и совести.
Рот откроет – позор и стыд.
Отчего же так сердце ноет
И душа за него болит?

Может, сам я чудака и нищий
И не помню, с которых пор
Снятся денег шальные «тыщи»,
Ну а в доме один топор.

Эх, душа моя окаянная,
Я напьюсь и пойду бродить
По развалинам по деревянным —
Жизнь пустую свою губить.

Что в ней было – мечты да грезы,
Душу тешил любовный хмель.
Раньше я целовал березу,
А теперь – ледяную ель.

Ненависть и ложь

Не услышишь пенья птицы,
Только призрак лжи
Сытой промелькнет волчицей
Где-то у межи.

Золотой закат у леса
Как тревожишь ты —
Нет зверья, нет птиц, нет беса
И поля пусты.

Я мечтаю очутиться
В роще на сосне,
И блаженной райской птицей
Нежиться во сне.

Только нет ни сна, ни рая,
Пахнет кровью рожь.
Нас богатством изумляя, и живут,
И процветают ненависть и ложь.

«Я вновь безропотно и нежно...»

Я вновь безропотно и нежно
Одним желанием томим —
Тайгу увидеть белоснежную,
Избу бревенчатую, дым.

Россия, ты не отзвучала
В моем пути, в моей борьбе!
Я знаю, нерушимо знаю:
Ты мне нужна, а я – тебе.

Люблю твои повети, бани,
Чащобы, буреломы, пни,
Церквушки. И надеюсь втайне,
Что будут вечными они.
Но круг их меньше с каждым годом...
Их часто рушат предо мной
В дурную засуху-погоду
Пожары черною стеной.

Горят леса, причалы, запани
И бьет неистовый пожар
По тем местам, где я когда-то
С отцом черемуху сажал.
И слышу я, как стонет Тойма,
Речушка северной земли,

И лоси мечутся у поймы —
На помощь нас зовут они.

«Я знаю горестные слезы...»

Николаю Редькину

Я знаю горестные слезы
И радость счастья – все во мне
Соединилось, словно звезды
Нашли свой путь в кромешной тьме.

Я счастлив, что своим стараньем
Для тех, кто заблудился вдруг,
Помог найти в пути признание,
И давний враг теперь мой друг.

Он плачет: «Трудно верить в Бога,
Когда в душе живет тревога
И рассыпается все в прах
И на земле, и в небесах».

И все же в Бога верь, в любовь.
От слез любви не стынет кровь.
Об этом знает лишь поэт,
В котором зла, корысти нет.

Как Бог, он к власти не стремится,
Ему б лишь только пели птицы
И отражалась в небесах

Земли бездонная краса.

«Деревянное детство моё...»

Деревянное детство моё —
Не подарок, не мумиё.
Всюду-всюду с гвоздями мосты,
Меж досок словно кровь – цветы.

Помню, я их как розы срывал,
Словно кудри твои ласкал.
Деревянные детства мосты —
Моих слез и надежд цветы.

Там разруха как ведьма жила.
Но я верил в любви удила,
В дружбу, верность, взаимность, честь...
Мне нечего было есть.

Если нет в голенище ножа, —
Жизнь в опасности и душа.
Где-то, где-то цветет благодать.
Свойство мерзкого – перепродать,
Ненавидеть родных, друзей
В том пиру, где кричат: «Налей!»
Деревянное детство моё —
Не подарок, не мумиё...

«Ты любишь ли меня, скажи...»

Ты любишь ли меня, скажи?
Я раб измученной души.
Метель сугробы разбросала.
Дорога в сумерках пропала.

Я раб измученной души,
Ты если любишь, то скажи!
Мрачнеет все: луна, осины,
Гул ветра стал невыносим.

В душе глубокой раны след —
Ей Бог не дал бронезилет.
Быть может, оттого она
К нелюбящим так холодна.

Ты если любишь, то скажи,
Я окружен потоком лжи.

«Любимая, по всем приметам ты...»

Жанне Крутихиной

Любимая, по всем приметам ты
В родном краю забыта и несчастна.
Жить с верой в дух Всевышнего опасно —
Осквернены прекрасного черты.

Вот так же осень, листьями играя,
Зовет, манит в таинственную синь,
И мы, себя наивно обольщая,
Идем туда, в безумную пустынь.

И нет спасенья сердцу увлеченному,
Где пели птицы – полутьма и мрак.
Не оттого ль поэт опустошенный
В конце пути спускается в кабак.

Сестре

Сестра, прости, что я сегодня пьяный,
Но не могу я, милая, не пить, —
Душа трещит, как туес деревянный, —
Она не знает, как ей дальше жить.

Налей вина мне в кружку из бересты.
Пойду бродить я нынче по полям.
Среди полей найду свою невесту
И туес ей в приданое отдам.

Сестра, ты помнишь, как мы ждали счастья?!
Но все прошло, остался только мрак.
Дом был гнилой —
 из лиственниц пропавших, —
Рубил его бессовестный дурак.

И я, дурак, и дура ты, моя родная,
И все мы словно ладан в благовест
Летим туда, где осень золотая
Пророчит нам и кладбище, и крест.

«Я снова избой растревожен...»

Я снова избой растревожен,
Которой уж двести лет!
Иду пожелтевшей пожней
На тусклый оконный свет.

Вот хрупают где-то кони,
Их сиверко-ветер бьет.
В студеном осеннем звоне
Деревня моя живет.

Я снова дорогой болен
И нежным дыханьем рек,
И каждый репейник в поле
Мне дорог, как человек!

Но время – проклятая пропасть,
И, может быть, стал другим
Мой друг полевой репейник,
Что в юности был любим.

В деревне я – значит, дома.
От печки и курева дым,
Хрустит на поветях солома
И кажется мир другим.

Белая сирень

Ушла она... Я помню в сквере тень
Ее волос... Цветы и плач на даче.
Наверно, так же белая сирень
И гнется, и ломается, и плачет.

Ушла она – покончила с собой,
Иль с ней покончили – никто не знает.
Сирень не так, конечно, отцветает...
Не так, увы, и ночь сменяет день.

Она ушла от яда суеты.
Душа ждала признанья, чувств размаха.
Но покрывались ее губы прахом
От унижений, лжи и нищеты.

Прими, земля, ее среди берез,
Цветов, которые она любила!
Где смех ее?! Где радость, горечь слез?!
Все рухнуло и в пепел превратилось.

«Поутру было ясно, тихо...»

Поутру было ясно, тихо.
Тепло. Весна. Капель.
Вдруг заплела пурга-портниха
Веретяную трель.

За нею радостно и нежно
В простор и неба гладь
Спешило утро белоснежное,
И не хотелось спать.

Ласкалось солнце с облаками,
И, плавая в тиши,
Сливалось с утренним сияньем
Сияние души.

День, как душистое цветенье
Лесов, полей и трав,
Искал в природе вдохновенья
И он был прав.

«**Может, слишком я северный...**»

Может, слишком я северный,
Запорошен пургой,
Градом лютым проверенный,
Окольцован избой.
Может, слишком я спорный
По-наивному смел, —
В детстве брошен был в прорубь, —
Еле вылезть сумел.
Крепну я не от гетто
Небоскребов-клетух —
От лесов, пашен, ветра
Разум стойкий и дух.
Может, слишком я северный,
Запорошен пургой,
Только ложь, лицемерие —
Это почерк не мой.
Я хочу жить не в клетке,
Как подстреленный волк.
К людям искренним, светлым
Я с любовью пришел.
Буду строить Россию
Как родную избу,
Все уклады, все стили
Сохраню, сберегу.

В поле

Анатолию Семенову

Спросил меня Толя:

– Что делаешь в поле?

Ему я ответил:

– Таскаю навоз.

Мужик он отличный,

Задира прикольный,

Подметил с ухмылкой:

– Горбатить хорош.

Сближает земля нас,

Работа и люди,

Которые тоже таскают навоз.

Но вот интересно —

Уж полночь будет,

А разве кто скажет:

«Горбатить хорош!»

Вот так наша жизнь —

Бесконечное рабство.

То сеем, то пашем,

Не видно конца.

Мы дети земли —

России богатство.

Как жаль, что богатство

– Увы! – не в руках мудреца.

Ода осине

Опять в родном краю мне снится
Звон леса, золото осин
И темноглазая синица
Зовет туда, где свет и синь.

Я счастлив, что моя Россия
Еще огромна и жива,
И люди мудрые и сильные
Родные говорят слова:

«Любовь, Отчизна, радость, доля,
Заботой вскормленный дом, сад...
Промчалась жизнь как ветер в поле
И не вернешь ее назад».

Но ты, любимая осина,
Напомнила мне о былом.
Печаль в тебе, размах и сила.
Давай грустить с тобой вдвоем.

Осина, друг мой милый, давний,
Я о тебе опять пишу.
Раскрою настежь двери, ставни
И звоном осени дышу.

Тебе, мой друг...

Алевтине Мавриной

Печаль и сырость в сумрачных лесах.
Промчалась осень – милая прохлада.
Пожух репей... Остался только прах,
От золота таинственного сада.

Притих ручей. И жизнь моя как звон
Забытой Богом старой колокольни...
Гудит... Манит... Но не тревожит он
Души моей до радости, до боли.

Поникли ивы. В горестном дыму
Ненастных дней и призрачных событий
Жить стало страшно чуткому уму
В преддверии немислимых открытий.

И мрак повсюду... Но добра судьба, —
Мой нежный сон, ты в нем всегда прекрасна.
Была бы жизнь унылой и несчастной,
Когда бы не было, мой друг, тебя.

«Ветер воет, листья носит...»

Виктору Вишнякову

Ветер воет, листья носит,
Филин в заводи кружит.
Он – разбойник, он всю осень
Жертву в чаще сторожит.

У него такие когти,
От которых вся земля
Кровью горбится и мокнет,
Словно зубы кобеля.

Только нам, подобно зверю,
Кровью мир не обагрить.
Мы другим стараньям верим,
По-другому будем жить.

В нашей жизни счастья мало,
Но не надо нам крови,
Только б сердце не устало
От прозрений и любви.

«**Душа моя колодец...**»

Душа моя колодец —
Без меры глубина.
Вмещаются там звезды,
Вселенная видна...

Я знаю: грянет время,
Час радости придет,
Очистится колодец
От помутневших вод.

В нем заблестит, как золото,
Моей любви звезда —
От странствий и от голода,
Прозрений и стыда.

«Любовь как тайна... Что со мною...»

Ольге Версе

Любовь как тайна... Что со мною!
Причудлив взмах твоей руки.
А голос сердца, я не скрою,
Мне мил рассудку вопреки!
Глаза другое что-то видят...
А что – спроси у сердца ты.
Кто полюбил, тот не в обиде
На пожелтевшие цветы.
Любовь как тайна... Кто оспорит,
Кто скажет: «Все узнал о ней!»
Сказать такое можно с горя,
Любви не ведая ничьей.

Кони-сани

Вижу старые русские сани...
Эх, прокатиться бы! Нет лошадей.
Вижу черные ветхие бани...
Эх, затопить бы! Да много щелей.

Эта песня родилась, как ветер,
Неизвестно как и почему.
Просто я увидел на рассвете
Родину печальную мою.

Родина! Скажи мне, что случилось?
Почему нет прежней красоты
На твоих полях? Иль ты забыла,
Что есть вера, совесть и мечты?

Вижу колокол старой церквухи.
Эх, зазвонить бы! Да вырван язык.
Не слышны благовеста звуки —
Воронья оголтелый крик.

Где вы? Где? Красногривые кони...
Был как вьюга и мой гнедой.
Но устал жеребец от погони,
Заблудился в полях, родной.

Вижу древнюю ветхую мельницу.
Эх, молотить бы в разливе реки!
Только злая беда-рукодельница
Реки губит уму вопреки.

Другу охотнику

Виктору Корчагину

Как хорошо тому, кто знает,
Что он тайге принадлежит,
Когда метелью с ног сбивает,
Когда она в ушах звенит.

Что волк ему, что россомаха,
Подстерегающая рысь, —
Он сам таежный, сам из страха,
Могучий лось и хитрый лис.

Ему, конечно, очень трудно
Бороться с гнилью новых «изм».
Но меркнет от лесного чуда
Всех демократий сатанизм.

Брусника

Виктору и Светлане Вишняковым

Вновь чувствую дерзкую силу
По осени на вырубках.
О ягоде северной милой
Решил рассказать я в стихах.

Пылает багряная ягода —
Земли неухоженный плод.
И сердце поет листопадами,
Красу несказанную пьет.

Ах, детство, улыбка, брусника,
Не ягода – огненный мед.
Поутру, как бешеный, с криком
Врывается егерь Федот.

«Братуха, мне что-то не спится,
Вставай-ка, в окно погляди...
Сегодня не утро – жар-птица!
По ягоды надо идти».

Я молча спустился с полатей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.